

Жауме Кабре

Впервые на русском!

И НАС ПОЖИРАЕТ ПЛАМЯ

Этот роман вибрирует
громами и молниями
библейских масштабов.

NÚVOL

Жауме Кабре

И нас пожирает пламя

Серия «Большой роман (Аттикус)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69818314

Жауме Кабре. И нас пожирает пламя: Иностранка, Азбука-Аттикус;

Москва; 2023

ISBN 978-5-389-23554-0

Аннотация

Человек просыпается неизвестно где – возможно, в больничной палате, но это неточно – и не помнит о себе вообще ничего. «Зовите меня Измаил», – предлагает он врачам, которых, за неимением других версий, нарекает Юрием Живаго и мадам Бовари. Человек мучительно вспоминает, что с ним произошло (какая-то авария? и, кажется, у него была любовь? и вправду ли его следует звать Измаилом?). Он описывает круги подле разгадки, подбираясь к ней все ближе и ближе, – ночным мотыльком, что кружит во тьме и обречен погибнуть в пламени. Тем временем так же опасно и неуверенно вокруг человека, сужая кольцо, ходит еще один прекрасно осведомленный рассказчик, растерянный осиротевший подросток, каким был когда-то и сам человек.

Жауме Кабре (р. 1947) – крупнейшая звезда каталонской литературы; его книги переведены на десятки языков, их тиражи

превышают миллион экземпляров. Его новый роман «И нас пожирает пламя» (первый за десять лет после эпохального, удостоенного многочисленных премий «Я исповедуюсь») – тонкая притча, песнь во славу литературы и напряженный нуар: здесь будут внезапные озарения, безутешное горе, истинная нежность, убийство, амнезия, погони, таинственная роковая женщина, а также кабанье семейство, без которого этой истории не случилось бы вовсе.

Впервые на русском!

Содержание

Инципит	8
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Жауме Кабре

И нас пожирает пламя

Jaume Cabré

CONSUMITS PEL FOC

Copyright © Jaume Cabré, 2021

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© А. С. Гребенникова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Этот роман вибрирует громом и молниями библейских масштабов.

Nívol

Здесь есть сюрпризы, невероятные рассказчики, обаятельные кабаны... и все это вплетено в притчу о мотыльках, что рискуют сгореть, чересчур приблизившись к свету. Кабре с наслаждением перемешивает интригу, драму и юмор. Роман вращается тончайшим механизмом, что цепко улавливает и

держит читателя.

Público

Кабре воспевает воображение, способность языка именовать – или прятать – сущее, улавливать вспышки жизни, гибнущей, как опаленные огнем ночные мотыльки. Он обращается к мифу об Икаре и говорит о наследии, о естественном обновлении, что происходит, когда молодое поколение – любого биологического вида – берет на себя задачу вести всех остальных вперед, рассказывая новые истории.

El Periódico

«И нас пожирает пламя», плод невероятной творческой свободы, весь построен на переносе и ассоциациях и ярко высвечивает хрупкость человеческого сознания, его нутряную, животную суть.

La Vanguardia

Перед нами типичный Кабре (так по мазку кисти мы узнаем Пикассо, по звучанию скрипки – Вивальди): чередование рассказчиков, постоянные скачки во времени внутри одного предложения, диалоги поперек времен и пространств, говорящие имена, блестящие фразы, великолепные, ужасно смешные диалоги и фантазия, подсвеченная всполохами реальности.

La Dels Llibres

И что?¹
Цви Кац

...ist dies etwa der Tod?²
Ранн Баварский
А может быть, первым это сказал Йозеф фон
Эйхендорф?

* * *

Маргариде

¹ В интервью, сопровождавших выход романа, автор рассказывал, что этот вопрос задал его друг и внимательный читатель Цви Кац, бизнесмен, живущий на две страны, Израиль и Мексику, но заезжающий в Барселону при каждой возможности. Кабре посетовал, что увяз в работе над новым романом, и упомянул, что один из его героев – кабаненок, а Кац ответил вопросом: «И что?» – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Неужто это смерть? (*нем.*) Строка из стихотворения немецкого поэта эпохи романтизма Йозефа фон Эйхендорфа (1788–1857) «На закате» («Im Abendrot»), положенного на музыку немецким композитором Рихардом Штраусом (1864–1949) и ставшего четвертой частью цикла «Четыре последние песни» для сопрано и оркестра («Vier letzte Lieder», 1948).

Инципит

Вы, без сомнения, видали иной раз в ночи, как мотылек, большой или маленький, судорожно машет крыльями, влекомый светом фонаря. Перед злополучным насекомым открыты два пути: либо его прельстит нечто иное, мотылек отклонится от курса и будет спасен, либо он подлетит к фонарю поближе и примется отчаянно описывать вокруг него спирали как замороженный, все быстрее и быстрее, пока не приблизится к источнику света, а как коснется его – в ту же секунду сгорит. Нечто вроде принесения себя в жертву огненному богу. Если же пламя защищено стеклом или это вообще не пламя, а яркая лампочка, мотылек радостно улетает восвояси, даже не думая об опасности или самопожертвовании, едва не задевая крыльями своих собратьев, которые с той же мыслью кружатся у фонаря в очарованном контрдансе. Так он порхает, пока одна из тех миролюбивых и спокойных ящерок, что караулят на стене за фонарем в силу не подлежащих обсуждению древних договоров, не разинет пасть и не проглотит насекомое, упоенное мечтой о близости к свету. Ящерке приходится делить это лакомое местечко за фонарем со множеством сородичей, тоже догадавшихся о пре-

³ Букв. «начинается» (лат.) – начальные слова текста в рукописных или перепечатных книгах.

имуществах охоты в засаде над беспомощной беготней по стенам в напрасном стремлении ухватить какую-нибудь съедобную живность. Особо везучей ящерице под конец сезона удастся в два раза увеличиться в размере и весе. А мотыльков, к вящей славе Господней, всегда хватает: одному Богу известно, откуда на свет слетается столько насекомых. Так вот: в истории, которую я хочу вам рассказать, я считал себя ящеркой (на страже мира и покоя), а оказался серой сумеречной бабочкой, ослепленной сиянием, даже не подозревающей ни о том, как часто у фонаря караулит враг, ни о смертоносности света, даже если он исходит от пламени скромной свечи.

Что ж, такова моя история. Да и история многих других, без всякого сомнения. Кстати, зовите меня Измаил. Именно Измаил: вы не ошиблись. Как тот, из «Моби Дика»⁴, так и есть. Вот заладили... Все, все твердите об одном. А я в этом нисколько не виноват; могу поклясться. Хотя, кажется, это уже лишнее.

* * *

Измаил появился на свет в самый промозглый день года. Была среда, и редкие пешеходы, спешившие по улице в

⁴ Измаилом просит называть себя рассказчик в романе американского писателя, поэта и моряка Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (*Moby-Dick, or The Whale*, 1851); фразой «зовите меня Измаил» он начинает повествование.

восемь часов вечера, думали только о том, как бы скорее укрыться от холода. Такой зябкий день выдался впервые за весь год, а может быть, и за десятилетие. Отец Измаила был флейтистом в Городском симфоническом оркестре и профессиональным переписчиком партитур и партий для разнообразных ансамблей. Поговаривали, что Рампаль⁵ поручил ему переписать около пятидесяти партий своего основного репертуара, и этот заказ позволил семейству жить безбедно. Так говорят, но никто не может в этом поклясться на Библии. Когда Измаилу исполнилось десять лет, отец еще играл на флейте и переписывал партитуры. И как-то раз он посадил ребенка перед собой и сообщил ему, сын мой, тебе следует знать, что ты дитя холода, и мороз так проник в жилы твоей несчастной матери, моей супруге, что пневмония едва не свела ее в гроб. А все из-за тебя.

– Но, папа... откуда мне было знать.

– Не нужно особого знания, – заявил отец помпезным тоном, благодаря которому чувствовал себя важной птицей, – чтобы быть причиной чужого несчастья.

Мальчик на некоторое время замер, чуть не плача и думая с такой силой, что чувствовалось, как мысли крутятся в голове. А потом сказал, но ведь маму убил не мороз, папа.

– В этом ты прав: она умерла не от холода. Но холод ее

⁵ Жан-Пьер Рампаль (1922–2000) – выдающийся французский флейтист; считается, что он лично возродил популярность флейты, какой она не пользовалась с XVIII века.

смертельно ранил.

– Мне было девять лет, когда она умерла.

– Девять лет?

– Она умерла в прошлом году.

– Год назад?

– Да.

– Что ж, пускай, но с тех пор как ты родился, она так ослабла, что в конце концов – когда бы ни было – умерла. И не сомневайся, что это из-за тебя.

Десятилетний мальчик не может определить, сошел ли его отец с ума. Кроме горя, он ничего не почувствовал. И расплакался. А родитель промычал, ну вот, пореви еще. Что твоя милая соседка скажет?

– Пусть говорит что вздумается.

Измаил покривил душой: он сгорел бы со стыда, если бы Лео⁶ увидела или слышала, как он плачет.

После этого разговора в семье произошел целый ряд событий. Пролетели месяцы, годы, и в один прекрасный день отец отрубил себе указательный палец правой руки: с тех пор он больше не мог ни играть на флейте, ни даже переписывать партитуры и заявил врачу, что поступил так нарочно, поскольку работа ему опротивела и хотелось отдохнуть. И тонко намекнул, что все из-за сына, который не спрятал вовремя ножи. Прежде чем поместить его в сумасшедший дом, решили проверить, не придет ли он сам в чувство, если зай-

⁶ Лео – уменьшительное от испанского имени Леонор.

мется другим делом. В одну светлую голову пришла блестящая идея, что работа на заправочной станции, не наводящая на опасные размышления, окажется лучшим способом привести больного в равновесие. И в один прекрасный день Измаил, уже с удивлением наблюдавший, как все его тело покрывается густой растительностью, а голос становится сложнее контролировать (он очень переживал, когда давал петуха в присутствии Лео, хорошевшей не по дням, а по часам), решил навестить родителя на бензоколонке. Тот держал в руке шланг, из которого только что напоил иссохший от жажды «форд», собравший на себе, казалось, все вмятины на свете. Отец вопросительно развел руками и, не получив от сына внятного ответа, сам спросил, какого хрена ты тут шастаешь и прогуливаешь школу.

– Это была не моя вина.

– Ты вообще про что?

– Про маму. И палец ты себе оттяпал тоже не из-за меня.

– Я, вообще-то, и не говорил...

– Говорил. Ты на меня баллоны катишь.

– Да пошел ты...

– Хорошо, – сказал подросток, не двигаясь с места.

– Умничать решил?

– Папа...

– Марш в школу, или оболью тебя бензином. Тогда помчишься как миленький.

– Папа...

Отец прицелился в него из шланга и выпустил струю бензина, от которой сыну пришлось укрыться за сияющим «штромбергом», как раз въезжавшим на заправочную станцию. Измаил убежал не оглядываясь, а когда под вечер, вдоволь набродившись по городу, он с заплаканными глазами приплелся домой, там его встретила крайне любезная дама, которая осведомилась, не Измаилом ли его зовут, и он подтвердил, что так оно и есть. А та ему, послушай, твой отец...

– Что с ним такое?

– Мы были вынуждены его госпитализировать.

– Он псих. Ненормальный.

– Не надо так говорить. Твой папа болен.

– Ну да, с ума сошел. Чуть меня заживо не сжег.

– Это нам известно. Он проходит курс лечения, а нам с тобой нужно побеседовать.

– О чем?

– О том, что тебя ждет. Об этом мы должны...

– Что это значит?

– Пойми... что ты не можешь жить один.

– Я уже два года хожу за продуктами и каждый день готовлю.

– А деньги у тебя откуда?

– Отец кладет их в банку из-под сахара.

– Ну а теперь будешь жить на всем готовом.

– Я не хочу в тюрьму. Это не я с ума сошел, а папа.

– Что ты, что ты, дружок, – рассмеялась чрезвычайно

любезная дама, – никакая это не тюрьма. Тебя просто поселят в одну квартиру с другими мальчиками и воспитателем.

– Ни за что на свете, сеньора.

В тот же вечер его отвезли туда, где уже обосновались четверо равнодушных воспитанников, за которыми присматривал некто по имени Алекс. Будешь жить тут. Договорились?

В комнате, куда поселили Измаила, было две кровати. Его соседом оказался один из безучастных подростков по имени Симон, который, судя по всему, с утра до вечера читал и, кажется, только через час с лишним сообразил, что новичка подселили к нему.

– Привет, – в третий раз повторил Измаил. Тогда Симон оторвался от книги и долго-долго молча глядел на него. Осмотрев новенького как следует, он заложил страницу закладкой, закрыл книгу и ответил, привет.

На следующий день Симон сказал, что у него родители в тюрьме, но все обвинения ложные. А с тобой что стряслось?

– Мамы у меня нет. Она умерла от холода. Уже давно.

– Вот черт. А отец?

* * *

Через несколько дней, когда они, вернувшись из школы, жевали бутерброды и делали вид, что готовят уроки, Измаил спросил Симона, а что ты все время сидишь с книгой.

– Я люблю читать.

– И не мешало бы вам всем последовать его примеру, правда? – заметил воспитатель, разгружая пакеты с едой на три дня.

– Скукота, – отозвался блондин, почти альбинос, о котором в квартире ходили слухи, что его замели за нелегальную игру в покер. Дело было в том, что никто из них не знал, по какой причине все остальные оказались под началом Алекса. Каждый пытался избежать объяснений и переставал расспрашивать, едва ему становилось ясно, насколько на вопросы неприятно отвечать.

Словно проходя обряд инициации, уже через две недели, закончив книгу, которую дал ему почитать Симон, Измаил покорно поплелся вместе со своим новым другом и в сопровождении Алекса в районную библиотеку. Симон подвел его к толстому фолианту, раскрытому на первой странице, и указал пальцем на верхнюю строчку:

– Это начало романа. Читай вслух.

– Зовите меня Измаил, – прочел Измаил. И в изумлении остановился. Довольный Алекс незаметно усмехнулся, а Симон спросил, можно ли взять книгу из библиотеки домой.

Как же так вышло, что Измаил оказался в этой квартире, где почти никто никогда и ни с кем не ссорился и откуда всем хотелось поскорее убраться восвояси, но без всякой спешки, поскольку жить с семьей, если от нее еще что-то оставалось, было бы почти самоубийством? Волею судеб.

Итак, Измаил перечитал первую страницу книги раз трид-

цать. Но как ни бился, не мог продвинуться дальше, потому что, слушай, а тебе не надоедают эти рассказы про суда под парусами и все море да море, и...

– Не закливайся. Никто не обязан дочитывать романы до конца. Читай только книги, которые того достойны.

– Ты хочешь сказать, что «Моби Дик» – плохая книга?

– Нет. Хочу сказать, что ты к ней еще не готов...

– А кто ты такой, чтобы мне указывать, к чему я не готов?

– Хорошо, хорошо. Делай как знаешь.

И уткнулся в свою книгу, которая была гораздо тоньше романа, доставшегося Измаилу. А Измаил промучился несколько дней и в конце концов попросил у Алекса разрешения сходить в библиотеку и поменять этот том на что-нибудь потоньше, если можно. Он свикся с тем, что спорить с Симоном – пустая трата времени, но все еще не мог понять, как такой уравновешенный парень оказался в этом закутке для заблудших овец. Да-да, его родители сидели в тюрьме, но все обвинения были ложными.

– Симон, – обратился к нему Измаил как-то в дождливый весенний день.

– Ага, – ответил тот, не отрывая глаз от книги.

– Что это были за ложные обвинения?

– Ты о чем?

– Ну как же. Скажи, за что твоих родителей...

Симон захлопнул книгу, не заложив страницу закладкой, приподнялся и врезал ему по носу так, что кровь шла без

остановки пару часов, несмотря на обилие ваты и переки-
си водорода. Удар помог Измаилу немедленно усвоить, как
важно в жизни молчание. Никто из них – ни пострадавший,
ни тот, кто бросился на него с кулаками, ни Алекс, ни их со-
седи по квартире – не посчитал, что о происшествии необ-
ходимо уведомить службу защиты детей, раз Измаил сдуру
получил по заслугам. Да и никакой он был не ребенок, воло-
сатый с головы до ног.

Уже получив аттестат зрелости, он понял, что ничего по-
хожего на квартиру под началом Алекса в мире нет. Что его
счастливый билет в жизни – это не будущие успехи в универ-
ситете, а то, что довелось попасть туда, где живут не как все.
Он распрощался с товарищами, ни одного из которых пять
лет назад не знал, потому что время течет для всех, кроме
Алекса, у которого до сих пор ни одного седого волоса. Пе-
ред началом семестра Измаил пошел навестить отца.

– Нет, я хочу пойти один.

– Я понимаю, но, если хочешь, я могу тебя...

– Не надо, Алекс. Вспомни проповедь, которую ты прочел
нам несколько часов назад, когда объяснял всем остальным,
что мне пора с ними прощаться и все такое. Ты то же самое
говорил, когда провожали Симона...

– А теперь ты взялся меня критиковать...

Они обнялись у входа в психиатрическую лечебницу, где
содержался отец Измаила, зная, что видят друг друга, навер-
ное, в последний раз. И, не оборачиваясь, чтобы помахать

Алексу на прощание, он вошел в клинику, где отец учился переписывать партитуры левой рукой.

– Ну, что скажешь, сынок? – поприветствовал его отец, словно в последний раз они виделись пару дней назад. И продемонстрировал неразборчивые каракули, беспорядочно разбросанные вокруг нотного стана и по всему листу. От Измаила не ускользнуло, что отец ими доволен и горд. Измаил подготовил речь о том, что будь ты проклят, папа, псих ненормальный, больше никогда в жизни не приду, а в прошлые три раза меня насильно прислала служба опеки. Теперь мне ясно, что благодаря тебе я мог бы сделаться подонком. Но тебе повезло⁷, я просто несчастный человек и желаю только оправиться от того, как ты меня изувечил, хотя ты, может быть, и не знаешь, что это за слово, изувечил. Я встретил добрых людей, которые отнеслись ко мне как к родному; а ты меня хотел облить бензином. Ладно, это еще ничего. Но я никогда не смогу тебе простить, что ты внушил мне, будто мама умерла из-за меня. Целыми ночами я думал о том, зачем ты это сделал. Ведь я скучал по маме. Даже сейчас я скучаю по ней, а я уже совершеннолетний. Так что прощай, ничто меня с тобой не связывает, не поминай лихом, пусть сообщат, когда помрешь. Замечу попутно, что я не умею играть ни на кларнете, ни на флейте, ни на дудочке. Я буду

⁷ История Измаила и его отца – своего рода вариация на тему рассказа Кабре «Мужчины не плачут» из сборника «Когда наступит тьма»; также в романе прослеживаются отсылки к рассказам «Тезей» и «Эброс» из того же сборника.

учиться на филологическом факультете, на романо-германском отделении, а ты и не знаешь, что это такое. Так что пошел ты к чертовой матери. А еще меня взяли работать в школу. Платят гроши, но с голоду не сдохну.

Однако, вместо того чтобы читать нотацию, он помолчал немного, взял в руки лист, который протянул ему отец, и сделал вид, что с интересом рассматривает, как будто караули возможно было интерпретировать.

– Молодец, папа.

Только в одном Измаил был непоколебим: он больше не навещал отца, пока ему не сообщили, что тот умер. В своего рода прощальной церемонии никто, кроме него, не участвовал. Да и не было в ней никакого смысла. Теперь он начинал жить самостоятельно и независимо.

* * *

Зарплата была мизерная, но платили ее исправно, а получал он ее за то, что давал уроки латыни и испанской литературы в школе, где зорко следили за качеством работы преподавателей, обходившихся им так же дешево, как и он, потому что ни один еще не закончил институт. Что понимали под качественным преподаванием, оставалось тайной. Измаил убедился в том, что, если шпарить по учебнику и заставляешь учеников его зубрить, все идет как по маслу. Однако

в тот день, когда он принес в класс стихотворение Карнера⁸ и написал его на доске, он получил записку от директрисы, которая вызвала его в свой наводящий ужас кабинет и там сказала, что вы себе думаете, глядя ему в рот, а не в глаза.

– Простите?

Обиженное молчание директрисы. Потом любопытство взяло свое, и он спросил, что я думаю о чем.

– Вы отвлекаете детей от учебы всякими глупостями.

– Какими глупостями?

– Стихи на доске пишете, как влюбленный мальчишка.

– Это был урок литературы.

– Испанской литературы. Каталанская литература вне закона⁹.

– Как можно запретить литературу?¹⁰

– Не смешите меня.

⁸ *Жозеп Карнер и Пуч-Ориол* (1884–1970) – каталонский поэт, драматург, журналист, переводчик; в 1939 году, после поражения Республики, эмигрировал из Испании.

⁹ В период диктатуры Франсиско Франко (1939–1975) в Каталонии проводилась политика языковой ассимиляции: было запрещено преподавание каталанского языка, периодика на каталанском языке, официальная документация велась только на испанском и т. д.

¹⁰ Несмотря на отсутствие формального запрета на использование каталанского языка в неофициальной обстановке и даже на то, что с начала 1950-х в Испании существовал ряд государственных литературных премий, на которые могли претендовать авторы, пишущие на каталанском, обсуждение каталанской поэзии на уроках испанской литературы не приветствовалось, так как многие образовательные учреждения Каталонии боялись возможных репрессий из-за обвинений в том, что используют языковую тему в политических целях.

– Это великолепный сонет. Может быть, хотите взглянуть?

– Имена авторов. – Она ударила ладонью по столу. – Основные произведения, названия литературных течений и, самое главное, не лезть в политику и не впутываться в историю. Вы что, хотите, чтобы на нас донесли?¹¹

Измаил внезапно вскочил. Несколько секунд постоял на месте, сам не зная, что делать. Директриса вызывающе глядела на него. А он, не решаясь посмотреть ей в глаза, пробормотал, я учу детей читать.

– Неправда. Читать ученики уже умеют.

– Боже ты мой.

– Не богохульствуйте.

– Да я и не богохульствую.

– Неправда! «Не поминай имени Господа Бога всеу»!¹²

– Боже мой...

– Прочь отсюда.

– Чего?

¹¹ Несмотря на то что каталанский язык как факультативный предмет (1 час в неделю) начал преподаваться учащимся муниципальных начальных школ с 1967 года, а последующий декрет Министерства образования и науки о введении обучения региональным языкам в дошкольное образование и среднюю школу вышел в мае 1975 года, обязательного преподавания каталанского языка и литературы в Каталонии не было до 1983 года. Исходя из контекста, можно заключить, что разговор происходит в конце 1970-х – начале 1980-х годов, когда дирекция школы действительно могла страшиться возмущения родителей, не желающих, чтобы их ребенок обучался каталанскому языку.

¹² Третья заповедь Декалога (Исх. 20: 7).

– Прочь отсюда. Вы уволены. Прочь отсюда.

– Но ведь я... А как же латынь? Ведь тут нет ни одного...

– Ступайте! Вон! Скатертью дорога!

Ну что же, за стенами кабинета шла перемена, слышались дикие крики детворы, и он на некоторое время забыл о себе самом, думая о несчастных ребятишках, попавших в лапы к этой ведьме. Потом ударил сжатым кулаком о стену и сильно ушибся.

Он собрал то немногое, что хранилось у него в шкафчике в коридоре на втором этаже, и ушел, не осмелившись спросить, заплатят ли ему за месяц. И по вине Карнера остался без работы, как остался когда-то без отца, а еще раньше – без матери.

Когда он ложился в постель и тьма вокруг него сгушалась, ему становилось больнее, как пророчествовал Аузиас Марк¹³. Его мучило не только унижение, но и ужас от мысли, что же теперь делать. Прямо перед ним вставали то ненавистные глаза директрисы, то насмешливая улыбка препода по математике, который сдал его со всеми потрохами, обнаружив стихотворение Карнера на доске, где ему, математи-

¹³ Отсылка к стихотворению выдающегося поэта валенсийского золотого века Аузиаса Марка (1397–1459), чьи стихи на каталанском сильно повлияли на испанскую лирику XVI–XVIII веков. Ранее это же стихотворение Кабре использовал в качестве эпиграфа к рассказу «Эбро» в сборнике «Когда наступит тьма»: «С тоской утратит день свое свечение, / Окрасит сумрак ночи небосклон, / И все живое погрузится в сон, / Сильнее станут лишь больных мученья» (Аузиас Марк. Любовные песни, XV. перев. Алины Звонаревой).

ку, предстояло писать ни для кого не обидные и никаким законом не запрещенные уравнения первой степени. А может, настучала географичка? Навязчивые идеи, крутившиеся в голове, не давали Измаилу примириться с жизнью. Он провел пару лет за изучением немецкого и шведского. В преподавательницу шведского он влюбился, но вынужден был забыть о ней, увидев как-то раз после уроков, что она прогуливается за ручку с одним неприятным гражданином. Это разочарование совпало с осознанием того, что долго он не протянет, если не начнет снова зарабатывать на жизнь. Новую работу Измаил нашел сразу и без особого труда: теперь он давал частные уроки туповатым школьникам и часто думал, что единственное его утешение – это книги. Годы текли бесшумно. Читать стихи, как современные, так и средневековые, он не переставал, а ученикам объяснял восхитительное строение сонета или дещимы или необъяснимую дерзость эстрамбота¹⁴. Потом, один как перст, шагал домой, читал запоем, не высыпался и чувствовал, что время утекает, как песок, а жизнь у него безрадостная. В стране и в людях происходили перемены, а он так и остался одиноким волком. Тут ему с тонкой иронией улыбнулась фортуна: его приняли на работу в школу имени Жозепа Карнера¹⁵. И как-то раз,

¹⁴ *Дещима* – десятистрочная строфа, распространенная в испанской, каталанской и португальской поэзии, чаще всего написанная четырехстопным хореем. *Эстрамбот*, или сонет страмбото, – правильный сонет с прибавлением четверостишия.

¹⁵ Обязательное обучение каталанскому языку и литературе в школах Каталонии.

по прошествии многих бессонных ночей, он увидел, что на одной из рубашек не хватает двух пуговиц.

Зайдя в галантерею, чтобы купить пуговицы, нитки и иголки, он признался продавщице, что ни разу в жизни не пришивал пуговиц и не знает, с чего начать.

– Тебе понадобится наперсток.

– Вы уверены?

– Конечно, чтобы не уколоться.

– Тогда дайте мне еще и наперсток.

– Хорошо, давай его примерим.

Тут Лео впервые взяла его за руку, надела ему на палец наперсток и сказала, нет-нет, чуть побольше, пошарила в коробочке, не отпуская руки, и, когда его палец с ее помощью вошел в другой наперсток, радостно проговорила, вот этот тебе действительно по размеру, видишь? И ему показалось, что примерка наперстка была жестом близости, какой он за всю жизнь не мог себе представить. Ее руки огрубели за годы работы с нитками и тесьмой, но двигались спокойно, нежно, умиротворяюще. Как я хотел бы их поцеловать, подумал он. И вместо того чтобы сказать, что ему хотелось бы поцеловать ей руку, спросил, наперсток нужно надевать на этот палец?

– Да, конечно. Ты же сказал, что ты левша?

– Нет, не говорил. – Последовало молчание. Неловким оно не было, и все же они молчали. – Откуда вы знаете?

– Мы с тобой знакомы.

– Мы с вами?

– Много лет назад мы жили по соседству. На улице Али Бея¹⁶. Тебя зовут Измаил.

– А вас?

– Не смейся меня.

– Почему?

– Хватит называть меня на «вы». Мы с тобой вместе играли на лестничной площадке.

Его накрыло соленой волной, словно бушующий поток воды прорвал дамбу.

– Лео... – сказал Измаил.

– Она самая.

– Сколько же лет прошло – тридцать, сорок?

– Двадцать-то уж точно. Я тогда была совсем худенькая.

– Как же ты не забыла? Если бы ты мне не сказала, я бы...

– Я часто вижу тебя на улице. Когда работы не много, я люблю смотреть на прохожих. И выдумывать истории.

– Я тоже люблю выдумывать. И мечтать, что... ну, это не важно.

– Как же, скажи.

– Нет-нет, это все глупости.

– Ты живешь по соседству, правда?

Помолчав несколько секунд, все еще под впечатлением от

¹⁶ *Али Бей* – псевдоним каталонского путешественника Доменека (Доминго) Бадии-и-Леблиха (1766–1818); улица Али Бея находится в центре Барселоны.

неожиданной встречи, Измаил проговорил:

– Лео... Как хорошо. – И, немного помедлив: – У тебя есть дети?

– Гляди, гляди, – сказала Лео, взяв его за левую руку, на которой все еще был надет наперсток, и продолжила: – Видишь? Вот так, понимаешь? Подталкиваешь иголку, и...

– А, вот оно что. Теперь понятно, для чего нужны наперстки. А я-то думал, это пустые причуды... У тебя есть дети? А внуки?

Они поглядели друг другу в глаза, и ни один не улыбнулся.

– Нет. У меня нет ни детей, ни внуков. А у тебя?

– Я был бы счастлив их иметь, но...

– Но что?

– Ну, это долгая история...

– Ой, у нас проблема.

– Да? – перепугался Измаил.

– Да. Не вижу пуговиц такого цвета. По размеру подходят, видишь?

– И так сойдет.

– Обычно пуговицы того же цвета, что и петли. А у тебя...

– Я и не помню, сколько лет хожу в этой рубашке.

– Она уже поношенная. Время от времени нужно покупать новые.

– Я это так не люблю...

– Ты живешь один?

– Да. А ты?

– Я уверена, что мы сможем подобрать похожий цвет. – Она открыла коробку. – Смотри, почти такие же голубоватые, как твоя рубашка. Правда?

– Правда. Но мне не важно, какого они цвета.

– Послушай моего совета.

– Лео, – вмешалась хозяйка, как по волшебству появляясь из-за шторы, – не забудь отнести фартуки Патрисии.

– Иду. Как только закончу с этим сеньором.

* * *

Измаил вышел из галантереи с наперстком, набором иголок и набором булавок. И тремя катушками ниток разных цветов. И ворохом воспоминаний. У него совершенно вылетело из головы, что Лео не ответила, живет ли она одна или с кем-то.

А через пару дней Измаилу понадобились ножницы, потому что ему не удалось перекусить нитку зубами, – а я-то думал, что это проще простого. Других покупателей в магазине не было, и у них нашлось время внимательно рассмотреть пять разных ножниц, и Лео посоветовала, купи вот эти, видишь?

– Они мне маловаты.

– У тебя просто пальцы очень большие, – сказала она, положив свою раскрытую ладонь на раскрытую ладонь Измаила. А он пробормотал, эх... и Лео стала его утешать, уве-

ряя, что ножницы придумали для дамских пальчиков, понимаешь?

— Конечно.

Тут они замолчали, и ни один не решался спугнуть тишину. Наконец она проговорила, смеясь, безмятежно, хотела бы я поглядеть, как ты справляешься с хозяйством совсем один. И вдруг добавила серьезно, я не к тому, чтобы... ты понимаешь, правда? И они договорились встретиться на следующий день, после обеда, ты знаешь, по субботам мы работаем только с утра, потом все магазины в этом районе закрываются, это только в центре города всегда многолюдно, а тут...

— Правда?

— Я в том смысле, что могу заглянуть к тебе, и если нужна помощь...

— Конечно.

И хотя голова у него была занята совсем другим, Измаил помчался домой, отыскал новенькую швабру, купленную несколько лет назад при переезде из другой квартиры, потом вытер пыль тряпочкой, которой тоже пользовался впервые, и, закончив уборку, обрызгал все вокруг освежителем воздуха с приторным запахом и задумался, не моют ли в приличных домах еще и окна. Срочно нужно было купить туалетной бумаги. И вот еще какое затруднение: за обеденным столом в столовой он обычно читал и кое-что писал, а ел всегда на кухне. А теперь ему неловко было признаться, что завтракает он один, обедает один и ужинает один. И спит один.

— Здесь очень уютно, — заявила Лео, не пробыв в его квартире и полминуты. — А что делают книги на полу? — И, пройдя три шага: — А холодильника у тебя нет? Правда? — И, уже войдя в столовую, она решила, что не помешало бы поставить тут на окне цветы. — А вид красивый?

— Это двор-колодец.

— Понятно.

Тут она открыла сумку, которую все еще держала в руках, и достала из нее букет цветов. Поднесла к окну, чтобы поглядеть, как они смотрятся, и, не оборачиваясь, спросила, у тебя есть стакан или ваза?

— Вазы нет. — Он указал на цветы: — Они что, искусственные?

— Слушай, а ты как думаешь?

— Нет, я к тому, что с искусственными хлопот меньше. Вот эта банка подойдет?

Лео удрученно поглядела на жестянку из-под персиков в сиропе, которую протягивал Измаил, но издеваться над ним не стала.

Так неприметно эта женщина вошла в его жизнь, и вскоре Измаилу стало уже не нужно ходить в галантерею за внезапно понадобившимися товарами первой необходимости, потому что каждый вечер Лео ужинала с ним. Продержавшись

дней пять, на шестой день она спросила, ты что, всегда варишь суп из пакетиков? Каждый день?

– Я не очень хорошо умею готовить.

– Не то чтобы не очень. Вовсе не умеешь. Но подумай, ради всего святого, как тебе не надоела «Галина бланка»?¹⁷

– Иногда я покупаю другие концентраты.

И каждый вечер после ужина Измаил провожал ее домой, и она ни разу не пригласила его зайти.

* * *

Лео решила почаще заглядывать к Измаилу, чтобы улучшить питание человека, который казался ей очень умным, но совершенно ни к чему не приспособленным. Занятное противоречие. Так, они вместе отправились покупать подержанный холодильник. И в один прекрасный день приготовили фрикадельки с горохом, а в следующий раз – печеные баклажаны и перчики в оливковом масле с чесноком и ломтиками трески. Измаил был изумлен, сколько на свете невероятно вкусных блюд, о которых он и не догадывался: когда всем в доме заправлял отец, Измаил рос на вареной картошке и капусте, цветной и белокочанной. А по воскресеньям ели брокколи. Жизнь с Лео была полна неожиданностей; она настаивала, что не нужно читать с утра до вечера.

¹⁷ «Галина бланка» (исп. «Белая курица») – испанская компания, производящая полуфабрикаты и приправы.

– Я, бывает, еще на работу хожу.

– За гроши.

– Все лучше, чем ничего.

– В этом ты прав.

Что ни говори, именно эта женщина научила его пришивать к рубашке недостающие пуговицы. И каждый вечер после ужина она подносила тарелки к раковине, но Измаил говорил, не беспокойся, я сам, а то уже совсем поздно, а она мельком целовала его в щеку. Потом Измаил провожал Лео домой – она жила в десяти минутах ходьбы от него, и там, на улице у ворот, пытался ее поцеловать. Иногда ему это удавалось, но она тут же вставляла ключ в замочную скважину, входила в подъезд и говорила «спокойной ночи», оставляя его ни с чем. И как-то вечером Измаил спросил, а почему ты не разрешаешь зайти к тебе домой?

– Там просто, ты знаешь... Мне нужно делать ремонт, – схитрила она, – и там ужасный беспорядок.

– Ты не хочешь, чтобы тебя видели... с мужчиной...

– Ты не прав, – прошептала она. – А может быть, и прав.

– Вот так загадка.

– Спокойной ночи, Измаил.

Но наступил тот вечер, когда Измаилу стало совсем невмочь и он сказал, не надо от меня ничего скрывать, если ты хочешь, чтобы мы...

– Чтобы мы что?

– Не знаю. Чтобы мы жили так... Почти вместе...

– А ты против?

– Пусть у тебя бардак, какая разница. Чем меньше мы держим друг от друга в тайне, тем лучше, разве не так?

– Это не тайны.

– Не тайны?

– Нет, Измаил. Это мое горе.

– Какое горе? Прости, я не пойму...

– Да, горе.

– Так Расскажи мне, что за горе.

Он подвел ее к скамье под фонарем, как две капли воды похожим на фонарь из еще незнакомой ему песни¹⁸. Усевшись на скамью, они проводили взглядом громко тарахтящий мотоцикл. Когда все стихло, Лео сказала, все эти годы меня не оставляет взгляд перепуганного ребенка, который обнимает медсестру, как родную, прося защиты от того, что он понять не хочет или не способен; ему не под силу смириться с тем, что, может быть, он больше не проснется, и жутко не проснуться, мама, мне страшно, вдруг я не проснусь никогда.

– Не надо так думать.

– А где я буду, если не проснусь?

– Не бойся, ты проснешься.

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказали врачи, а у них большой опыт.

¹⁸ Вскоре читатель узнает, что речь идет о фонаре из немецкой песни «Лили Марлен».

– А вдруг они ошиблись?

– Не может такого быть. Ты обязательно проснешься, ведь я буду тебя ждать.

– А если не проснусь, я улечу на небо?

Мать на мгновение замешкалась; это мальчик сразу почувствовал. Вопреки всем своим убеждениям она ответила, конечно на небо, малыш.

– Я не хочу на небо; я хочу остаться здесь.

– Ты туда не... Пстой, знаешь что?

Мать сделала вид, что смотрит на часы; часов не было: все вещи остались у входа в это преддверье камеры пыток; и сказала, через часок ты проснешься как ни в чем не бывало. Все как рукой снимет: я об этом позабочусь.

– А сколько это, часок?

– До Тоны¹⁹ и обратно.

– Но ведь сейчас ты в Тону не поедешь, правда?

– Не поеду. Я тут подожду.

– А папа почему не здесь?

– Он еще неважно себя чувствует. Но обнимает тебя крепко-крепко.

– Значит, папа не умер?

– Что за глупости.

– А медсестры сказали, что...

– Ну их ко всем чертям.

– Ты прямо как папа ругаешься, – чуть-чуть повеселел ре-

¹⁹ Город Тона находится в 60 км от Барселоны.

бенек.

– В больнице медсестры говорят между собой о пациентах, о болезнях: наверное, ты что-то неправильно понял. Ну их ко всем чертям.

– Сеньора, вам пора...

– Да-да... – Она наклонилась к сыну и попыталась его поцеловать, но помешала маска.

– Сеньора...

– Не падай духом, малыш.

– А как же папа?

– Папа придет, когда проснешься.

– А что ты плачешь?

– Кто, я? Соринка в глаз попала.

– Сеньора...

– Да-да... – слишком резко, почти обиженно ответила она.

– Простите, но вам...

– Да слышу, слышу! – Она встала, бессмысленно пытается улыбнуться сквозь хирургическую маску. Подмигнула сыну и сказала, ты самый храбрый мальчик на свете. Когда проснешься, мы с тобой сфотографируемся.

– Вместе с папой.

– Да, вместе с папой. Пока, мой хороший.

И послала ему воздушный поцелуй. Тут ребенок впервые улыбнулся, словно поймал на лету поцелуй матери.

– Пока, мама, – сказал храбрый мальчик.

Она отступила на пару шагов, не оборачиваясь, и прошеп-

тала, всего часок, мой родной.

Сын не ответил, потому что загляделся на медсестру и не услышал.

– Мама сказала, что через час я проснусь.

– Отлично, чемпион: через час мы тебя разбудим. Так врачу и скажу.

– А разве не ты мне будешь делать операцию?

– Нет, я буду тут, рядом с тобой.

– А если я умру?

– Так не бывает. Такие красавчики не умирают.

А я слышала, как кто-то рядом произнес странную фразу, которая врезалась мне в память, хотя я ничего не поняла.

– Какую?

– Это было что-то вроде *Ist dies etwa der Tod?*²⁰

– Твой сын говорил по-немецки? Или ты сама?..

– Нет, что ты! Наверное, медсестра. Ты знаешь, что это за слова?

– Не знаю, – солгал Измаил.

– А мой малыш ответил медсестре, что он хочет быть не красивым, а живым. И тут его увезли в операционную. Беднячку...

Она умолкла. Тарахтящих мотоциклов поблизости не бы-

²⁰ В четвертой из «Четырех последних песен» Рихарда Штрауса, «На закате», за музыкальной фразой «Ist dies etwa der Tod» в исполнении сопрано следует аллюзия к более раннему произведению композитора – симфонической поэме «Смерть и просветление», которая упоминается во многих произведениях Кабре (в частности, в романе «Тень внуха»).

ло, но оба молчали.

– Когда это произошло?

– Пять лет и три месяца назад.

– А тут... – Измаил мотнул головой в сторону подъезда, где жила Лео.

– Это мое прибежище, там столько фотографий... Никому этого не понять.

– Я пойму.

– Лучше не надо.

– Как скажешь.

– Иногда я виню себя за то, что до сих пор жива.

– Да ты что. Не думай так.

– Да-да.

– Но теперь мы встретили друг друга. Ты приходишь ко мне, и...

– И что? Я себя чувствую еще более виноватой.

– Но так невозможно...

– Я держусь. А когда возвращаюсь домой, беседую с ними обоими. Если бы кто-нибудь меня увидел, решил бы, что я с ума сошла.

– Почему ты не обратишься за помощью?

– К кому?

– К врачу. Психиатру, психологу, кому-то в этом роде.

Тут они надолго замолчали.

– Это очень дорого, и ничего из этого не выйдет. К тому же про эти фотографии я никому раньше не рассказывала.

Даже подругам из галантереи. Даже соседям по подъезду.

– Но я...

– Не надо. Завтра я уеду к свекрови. На пару дней. А может, останусь подольше.

– Она живет в Тоне?

– Да. Когда стряслась беда, я напрочь забыла, что и у нее погибли сын и внук, как будто боль эта была только моя собственная. Мы говорим о другом, но их не забываем. Она сильная женщина, поверь мне. Сильнее меня... И мой сын ее обожал. Он называл ее бабушкой-красавицей из Тоны.

Фонарь погас, словно решил, что разговор окончен. Тут Лео встала со скамейки, а Измаил пошел за ней, молча глядя, как она в одиночестве уходит в свое горе. Потом вернулся на скамью, уже в темноте, и тихо просидел там несколько часов, в раздумье, не торопясь, не желая возвращаться один, без Лео, в тщательно прибранную квартиру.

* * *

Спал он совсем недолго, видел обрывки снов о темном доме с длинным коридором, обклеенным черно-белыми фотографиями незнакомых людей. Там он увидел мальчика с отцом и бабушкой и Лео, одетую, как старушка. Лео была вся в черном и рассердилась на него за то, что он зашел, не спросив разрешения. Измаил стал оправдываться и объяснять, что это сон, что он нечаянно; тут зазвонил будильник,

он вскочил и еще несколько минут не мог отдышаться, будто бежал марафон по бесконечным коридорам.

Он открыл дверь, взял бумажник и вышел, забыв хозяйственную сумку. И мелочь. И зонт. А сгущались черные тучи.

Все еще больше запуталось, когда в узком переулке, ведущем в булочную, возле него остановилась машина, водитель высунулся из окна и вскричал, о! Да это ж препод. А Измаил, вместо того чтобы сделать вид, будто ничего не слышал, остановился и уставился в лицо отдаленно знакомому человеку.

– Это же я, Томеу! Ты что, забыл меня, препод?

– Кто-кто?

– Томеу. Айда, поехали со мной! Полиглотов навестим.

– Глазам не верю, Томеу... Ты стал полиглотом?

– Нет... Я у них главный организатор: шофером работаю.

Познакомлю тебя с главной полиглотшей и обратно привезу. – Он оглянулся на машину, стоявшую сзади, и заорал, сейчас, сейчас, мать вашу за ногу, ни минуты подождать не могут! – И снова обернулся к Измаилу: – Если ты не занят, они обязательно тебя пригласят на симпозиум: уйму денег заплатят.

– Это очень интересно.

– Вот видишь, мужик! Хорошо, что не смогла со мной поехать та училка, которая... А ты французский знаешь?

– Знаю, конечно.

– Это нам может и не понадобится, но на всякий случай не помешает. Садись давай, пока этот долбоклюй сзади все не разнес.

И он, кретин хренов, сел в машину, забыв, что собирался за хлебом. Тут все и началось.

* * *

А может быть, и нет. Откуда ему было знать, что на самом деле все началось гораздо раньше и вдалеке от узкого переулочка. Наша история берет начало там, где самка кабана, при знакомстве представлявшаяся как Лотта, родом из лесов Бергеданского района²¹, которая в период течки позволяла к себе приближаться только самому видному секачу, как-то раз, на третьем году своей взрослой жизни, познакомилась с ведром, которого почти никто не знал. Этот почти стокилограммовый кабан из окрестностей Сольсоны²², вооруженный длинными, кривыми, крепкими клыками, охотно покрыл ее, и она забеременела. Любовное хрюканье этой парочки было похоже скорее на победный гимн, чем на крик удовольствия. Обернувшись, чтобы посмотреть секачу в глаза, самка почувствовала странный трепет: казалось, во взгляде незна-

²¹ *Бергеда* – район (комарка) в провинции Барселона с административным центром в городе Берга.

²² *Сольсона* – город в каталонской провинции Льейда, примерно в 40 км от Берги.

комца пылал огонь. Лотта пронзительно взвизгнула от счастья, что было с ее стороны крайне неосмотрительно, потому что живущим у леса людям уже начинали приедаться частые визиты Лотты и ее приятелей к запасам еды возле их жилищ. Когда она была маленькая, мама учила ее не доверять людям, потому что вся эта еда – вовсе не предназначенное для них угощение; подумай, что происходит после каждого доброго пира на полях? Крики, вспышки – и стокилограммовые туши секачей, неподвижно застывшие там и тут из-за таинственного грохота, которым человеческие существа насылают смерть. И так случилось, что этого красавца-секача из северных краев Лотта видела в последний раз.

В дождливую среду, по истечении благополучно протекавшей беременности, Лотта произвела на свет пятерых очаровательных поросят. По семейной традиции в лесу их называли кабанятами. Но как ни назови, они были просто прелесть: девочка, двое мальчиков, еще девочка и тощий поросенок, которого все стали называть Кабаненком. Хоть он и был самым маленьким, но усилием железной воли превозмогал все те преграды, с которыми братья и сестры справлялись без всякого труда. Ему всегда хотелось первым преодолевать препятствия, которые беспрестанно ставила перед ними мать, чтобы научить их выживать в дремучем лесу. Как-то раз Кабанчик Второй засмеялся над неудачей Кабаненка; было и вправду ужасно смешно видеть, как тот треснулся мордой о камень, через который перескочить было плевое

дело, разве нет? А Лотта схватила Кабанчика Второго за ухо и закатила ему мордой пару оплеух и отчетливо проговорила, так чтобы все детеныши слышали и зарубили себе на носу, каждому из нас в жизни дается то, что ему под силу, и никто – уяснили? – никто не рождается все умеющим. Так что любого из вас, кто посмеет насмехаться над Кабаненком или еще над кем-нибудь из братьев и сестер, я возьму за шиворот и отнесу из леса в сторону заката, и оставлю его там людям на рагу.

– Мама, а что такое «рагу»? – с любопытством спросил Кабаненок.

– Узнаете, когда вырастете. Когда будете уже не поросятами, а со шкур исчезнут полосы.

– Но что же это такое, «рагу»? – не отставал Кабаненок, всегда стоявший на своем.

– Я сказала, когда станете постарше, – тут же раздраженно откликнулась громким голосом мама Лотта. – И будете вовсе не рады, когда узнаете. Ясно?

Детеныши умолкли, уяснив, что вести себя нужно так, чтобы всеми силами держаться подальше от такого страшного и непонятного наказания, как рагу.

Кабаненок подошел к Свинюшке и шепотом спросил, а что это такое, «мехаться»?

– Не знаю. Мама сказала «насмехаться».

– Мама, а что значит «насмехаться»?

Потомство набиралось ума и веса. Кабанчик Третий ока-

зался самым быстрым, Кабанчик Второй – самым прожорливым, Свинюшка – самой услужливой, а Свинка Первая – самой рассудительной (поскольку так решила Лотта). А Кабаненок перебивался помаленьку, вечно опаздывал, блуждал в лесу, и очень часто, перед тем как пойти играть, братьям и сестрам приходилось кричать, Кабаненок, ау! Кабаненок, ау! – до тех пор, пока он не прибежал, запыхавшись, оттуда, где зазевался, глядя на незнамо что. И они росли, с благословения Большой Свины, заступницы всех смертных. Оттуда и пошли все беды.

– Но ведь...

– Тихо, я сказал.

* * *

Он открыл глаза. Поморгал. Он чувствовал себя усталым, измученным, как будто его долго били. И попытался сфокусировать взгляд. Белое пятно. Ему улыбалась женщина в белом халате. Он открыл рот и немедленно закрыл, словно это небольшое усилие стоило великих трудов.

– Привет, – улыбаясь, сказала женщина.

Он не ответил. Где я? Что я здесь делаю?

– Добро пожаловать, – продолжала женщина. И уселась с ним рядом, чтобы он лучше ее видел. – Как ты?

Пациент огляделся. Больничная палата, несколько обшарпанная. Он пошевелил рукой, и тут ему стало ясно, что

высвободить ее невозможно: к ней пластырем прикреплена тонкая трубка капельницы, идущая куда-то вверх и исчезающая в застывшем инфузионном мешке.

– Что это такое?

Не переставая улыбаться, женщина повторила, как ты себя чувствуешь?

– Что это такое? Где я?

– Как тебя зовут? – проговорила она вместо ответа.

– Меня?

Пациент помолчал. И вдруг вскричал:

– За хлебом!

– За каким хлебом?

Он не знал, как объяснить. И решил закрыть рот. Но врач снова спросила, как себя чувствуешь, а?

Скорее всего, на этот вопрос не существовало возможного ответа. Почему я должен себя как-то чувствовать. Что со мной происходит. И он произнес вслух, что со мной случилось.

– Ты попал в аварию. Но по сравнению с тем, чего можно было ожидать... легко отделался.

– В аварию?

– Не помнишь? Нога будет болеть. Но ты счастливчик.

Он долго ничего не отвечал, как будто ему сложно было до конца понять слова врача.

– Настоящий счастливчик.

– Вот уж не знаю, – пробормотал он на всякий случай.

– Как тебя зовут?

– У меня глаза слипаются.

– А потом отдохнешь.

– Где я?

– В больнице. – Она улыбнулась. – В хороших руках.

– Что со мной?

– Я же сказала.

– Просто я... никак не могу прийти в себя.

– А голова не болит?

– Должна болеть?

– Ну как же... ты сильно ударился. Не помнишь, где ты живешь?

Ответить на прямые вопросы ему удавалось не сразу, как будто все нужно было долго разжевывать, чтобы дойти до сути. Или просто потому, что его сковывал неведомый страх.

– Ты знаешь, где живешь? – настаивала врач. – Помнишь чей-нибудь номер телефона?

Он отвернулся к стене, словно не желая отвечать.

– Можешь назвать по имени кого-нибудь из знакомых?

Снова молчание, с легкой примесью тревоги.

– Почему у тебя не было при себе никаких документов?

– Я не знаю, о чем вы. У меня глаза слипаются.

– Как звали человека, с которым ты ехал?

– Понятия не имею!

Становилось все яснее, что ему не только хочется спать, а еще и жутковато.

– Приятных сновидений, – сказала врач. Эти два слова прозвучали как-то угрожающе. Но сон сломил всякое недоверие, и он уснул.

* * *

- Твоя мать ни в чем не виновата.
- Нет, она должна была...
- Кабаненок, – сказал Ранн.
- Что.
- По сравнению с остальными вепрями у тебя исключительная память.
- Просто я постоянно размышляю.
- Я тоже.
- А все остальные?
- Не все. Лучше бродить в одиночестве; тогда тебя может подвести разве что звук собственных шагов, а не идиотизм болтуна, который только и норовит поднять шум и гам возле человеческого жилья, и удирай потом во все лопатки; и все может кончиться гибелью сородичей.
- Ты очень интересно хрюкаешь.
- Danke schön²³. Спасибо. Главное – не разучиться думать, Кабаненок.
- Но иногда я сам не понимаю своих мыслей.

²³ Большое спасибо (нем.).

– Не беспокойся об этом. Фантазировать – это прекрасно. Это так же чудесно, как найти себе свинку, которая хрюкает с тобой в лад.

– Мне кажется, свинки – особи более... не знаю, как это выразить.

– Я не совсем понимаю, что конкретно ты не в состоянии выразить; но обычно они гораздо рассудительнее самцов.

– Вот и я о том же. Но не знаю, где найти свинку.

– В лесу их пруд пруди. Бьюсь об заклад, ты много-часто на них натыкаешься. Или ты редкий разиня. Говорила мне мать твоя Лотта, что в голове у тебя одни птички.

– Чего?

– Вот-вот. Птички в голове.

– У меня? В голове?

– Так именно она и говорила.

Кабаненок помотал головой и подвигал всем своим уже достаточно объемным телом, чтобы вытрясти птичек, застрявших, по словам Ранна, внутри.

– Куда-то они все запропастились.

– Помню, как-то раз мама сказала, что я поэт.

В тишине был слышен лишь негромкий стук копыт о землю, и наконец Ранн осторожно заметил, что приличному кабану не пристало имя поэта.

– Я уже понял.

– Она, вероятно, была обижена за какую-нибудь твою выходку.

– Скорее всего. – И, не доходя до толстоствольного кедра, выпалил то, что давно уже вертелось у него в голове: – А давай бродить по лесу вместе, ты и я?

– Нет, Кабаненок. Так мы разучились бы думать и только хрюкали без толку. Что касается стрелы времени, мне кажется, это форменная ерунда.

– Возможно. Но я так не думаю. – Он снова приободрился. – При помощи стрелы, которая летит по времени в обратную сторону, время пошло бы назад и мне удалось бы понять, что произошло с мамой и со всеми остальными. И где они теперь. Представляешь?

– Если ты не можешь вспомнить, что с вами произошло, нужно привыкнуть к одиночеству.

– Легко сказать.

– Ты много-часто об этом думаешь?

– Ага.

«Много-часто»; так говорил Ранн. За версту было заметно, что родился он в очень далеком лесу. На все вопросы этот кабан отвечал, что родом он из Баварии, а это, по-видимому, далеко-далеко за нашим лесом, за другими лесами, один дальше другого. Но ему никогда не хотелось рассказывать, что привело его сюда из далекой страны.

За этими раздумьями Кабаненок внезапно заметил, что остался один, потому что Ранн исчез совершенно бесшумно. Мама, Кабанчик, Свинюшка, Свинка, где вы? Помедлив

несколько секунд, он направился к каменному дубу²⁴, возле которого устроил лежку, и вполголоса, как будто кто-нибудь мог слышать, сказал, как тоскливо всегда быть одному. Говорили мне, не зевай, а то потеряешься.

* * *

– Давайте-ка начнем, сегодня вы бодрее, чем вчера.

– Нет... – Как будто думать было для него утомительно. – Я помню только...

– Что? – поинтересовался врач.

Тяжелое, густое молчание. Этот доктор был посуше, чем вчерашняя врач. Пациент глубоко вздохнул, словно путешествие в страну неспящих было томительным и трудным. Рассуждать ему было нелегко, а когда он пытался что-нибудь вспомнить, болела голова. Но его не оставляли в покое.

– Как вас зовут?

– Меня?

Молчание. Как будто найти ответ было чрезвычайно сложно.

– Не знаю. А вы разве не знаете?

– Пока что мы называем вас в соответствии с номером палаты.

– Отлично. И как меня теперь зовут?

²⁴ *Каменный дуб* – вечнозеленое дерево, распространенное в Средиземноморье и Пиренейских горах.

– Пятьдесят Седьмой.

– Превосходно.

Молчание. Он толком не знал, отчего ему казалось унижительным, что теперь его зовут Пятьдесят Седьмым. Или что он превратился в Пятьдесят Седьмого. Но со временем, которое шло тихо, как в замедленной съемке, он начал думать, что, наверно, это как раз хорошо, что его считают Пятьдесят Седьмым, так благоразумнее.

– Вы только не волнуйтесь, – вмешался врач, вероятно угадав его мысли. – Мы никуда не торопимся.

Он указал куда-то в сторону ночного столика и добавил, если что-нибудь вспомните, снова запишите это в тетрадке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.